

ОТ РЕДАКЦИИ

26-й номер «Детских чтений» посвящен изучению репрезентации географического пространства в детской литературе. Пространство в литературном произведении — традиционный объект изучения литературоведения. Авторские, жанровые и стилевые особенности его изображения рассматривались в многочисленных работах, например, интенсивно изучались топосы города, усадьбы, деревни, моря и пр. Другим подходом является исследование локальных текстов Кавказа, Сибири, Петербурга, Москвы и множества других как объектов культурной географии. Впрочем, применительно к детской литературе и тот, и другой аспекты изучения пространства применялись в российской науке довольно редко. Статьи, собранные под обложкой этого выпуска, открывают новый материал и предлагают новые подходы к их изучению.

Представление собственно географического знания, то есть системного описания территорий и объектов ландшафта, является задачей учебной и научно-популярной литературы. В рубрике *Архив* представлены показательные примеры того, как менялось представление о том, что и как следует рассказывать детям о своей стране и других странах. Если первые литературные опыты, возникающие в русле развития жанра травелога, были адресованы детям состоятельных родителей, имеющих привилегию свободно перемещаться не только по территории России, то чем дальше, тем больше литература путешествий становится способом воображаемого перемещения, не подразумевающего реальную возможность увидеть описанные в книге места. Во второй половине XIX в. демократизация педагогической парадигмы и социальное разнообразие детской читательской аудитории способствуют сосуществованию уже разнонаправленных тенденций: просветительской, с одной стороны, подразумевающей наделение детей географическими знаниями (объем и качество этих знаний, очевидно, определялись политическими и педагогическими условиями), а с другой — «оптической», связанной с необходимостью научить видеть окружающее ближайшее пространство (степень близости могла варьировать от внимания к собственной улице и заканчивая «родиноведением»), то есть сконструированным образом не только малой родины, но и

национального государства). Обе тенденции основывались на принятой в тот или иной момент географической номенклатуре, но зуммирование зависело от педагогических задач тех, кто брался знакомить детей с «миром». И не в последнюю очередь эти задачи были определены возрастной адресацией: научно-популярная литература и литература путешествий была (и остается) важной частью массового чтения, поэтому книжный рынок реагировал на читательский запрос обилием выпускаемой географической литературы, а значит, педагоги вынуждены были фильтровать этот поток, отбирать пригодное (по их представлениям) для детей и тем самым вырабатывать нормы и стандарты собственно детской литературы. Выработка норм неизбежно сталкивается с самыми разными противовесами: от политических, профессиональных и эстетических установок педагогов до волонтаризма непрофессиональных писателей-путешественников, бравшихся за перо.

Примеры различных подходов к масштабированию пространства, содержащиеся в публикуемых в этом номере статьях, хорошо демонстрируют, от каких обстоятельств зависит «наведение на резкость». И это могут быть не только понятные идеологические колебания, но и формальные ограничения: например, конструктивные и содержательные особенности серийных изданий (издательские серии, ежегодники и т. п.) задают довольно жесткие рамки при отборе географического материала и его подаче. Другим важнейшим фактором может становиться воля составителя серии. Как показывают публикуемые в этом номере исследования центральных и региональных серийных изданий («Как живут и чем промышляют» (1927–1929) и «Уральская библиотека занимательного краеведения» (1936–1939)), представление географического (как правило, в сочетании с этнографическим) материала во многом определяется интенциями авторов-составителей серий (в случае с вышеназванными сериями — Н. И. Леонова и В. А. Попова). Внимание к создателям географической литературы — принципиально новый подход, позволяющий скорректировать панорамные обобщения (как в СССР конструировался территориальный образ советской страны / капиталистического мира, или как представлены стереотипы изображения народов СССР) за счет анализа причин другого толка: зависимость автора от властных институций, инерция серийного издания, экономические ограничения печати, профессиональный опыт составителя и его идейные взгляды и т. п.

Другой аспект, представленный в исследованиях, напротив, определен желанием выявить и систематизировать географическую

и этнографическую стереотипию в литературе для детей. И здесь мы наблюдаем, как в различных политических обстоятельствах разительно меняется репрезентация одного и того же географического объекта или этнографического факта, как экзотизирующий взгляд чередуется с иным, предполагающим заинтересованность в другом пространстве / человеке и уважение к нему, а затем вновь возвращается прежняя настороженность и отторжение. Такие «оптические» эффекты при контекстуализации получают надежное аналитическое объяснение, но не избавляют географическую литературу для детей от новых и новых оптических аберраций. Думается, что читателям 26-го номера «Детских чтений» предложенные в публикуемых статьях критические интерпретации этих механизмов помогут увидеть причины как их воспроизводимости, так и их уязвимости.

Светлана Маслинская